

А. Бруевич

ИЗ РАЗГОВОРОВ ВОИЧА И БРУЕВИЧА

Б о н ч. Милый Бруевич, откуда ты идешь?

Б р у е в и ч. Какое это имеет значение? Важно другое: куда идут мои мысли.

Б о н ч. И куда же, ^{хочу знать} ~~если не секрет?~~

Б р у е в и ч. В своих размышлениях я двигаюсь по направлению к поэзии. Более того... /Поднимает палец./ ...к высокой поэзии! Скажи, Бонч, если бы тебе предложили золото и серебро, что бы ты выбрал?

Б о н ч. Серебро, разумеется, /быстро/.

Б р у е в и ч /с удивлением/. Почему?

Б о н ч. /с удивлением/. Как почему? Лунный металл. Тебе, надеюсь, известно мое пристрастие к ночи? И вообще, Бруевич, я подозреваю, что в прежнем рождении я был женщиной.

Б р у е в и ч. В таком случае, встречу с тобой мне, воистину, послали боги. Скажи, Бонч, не остался ли у тебя какой-либо памяти?

Б о н ч. О чем?

Б р у е в и ч. О том, как ты был женщиной.

Б о н ч. Зачем это тебе, Бруевич?

Б р у е в и ч /задумчиво/. Понимаешь ли, я хочу проверить одну концепцию, возникшую у меня в электрическом поезде, и потому наш разговор о серебре и женственном как нельзя более кстати. Ибо... осторожно, канава!

Б о н ч. Благодарю тебя.

Б р у е в и ч /продолжает/. ...ибо предмет моего интереса оказался двустышье, принадлежащее Анне Ахматовой.

Б о н ч. О Бруевич! Вот не ожидал! Говори, говори!

Б р у е в и ч. Но что тебя взволновало, мой друг?

Б о н ч. Еще бы не взволновало! Не далее как вчера я, стоя в очереди за огурцами, битый час читал через плечо прелестнейшей студентки новое издание ее стихов.

Б р у е в и ч. Тогда тебе вдвойне будет интересно то, о чем я думал. Позволь поделиться с тобой плодами своих размышлений.

Б о н ч. Поделись, будь добр.

Б р у е в и ч. Однако, если я буду чрезмерно академичен, не пеняй мне, а попытайся вображением пробиться якло сивозь ледяную корку иннепринятого языка и обрести в полноте и цельности ту суть, которая, признаться, мне самому не вполне ясна.

Б о н ч. Ну, ты уж, кажется, шутишь.

Б р у е в и ч. Тебе кажется, что я шучу?

Б о н ч. Бруевич, ты меня не понял.

Б р у е в и ч. Так слушай же. Двустышье, заинтересовавшее меня, извлечено из раннего стихотворения Ахматовой, которым— если принять во внимание замечание Вяч.Иванова, поздравившего в своей "башне" нового русского поэта с рождением— она фактически началась.

Б о н ч. Что ты имеешь в виду?

Б р у е в и ч. Неужели еще не догадываешься? Я имел в виду "Песни последней встречи"...

Б о н ч. О да! "Я на правую руку надела перчатку с левой руки..."

Б р у е в и ч. /радостно/. Совершенно верно! Именно те строки, которые заинтересовали меня. Но куда мы все идем? Не освежить ли нам себя пивом?

Б о н ч. Блистательная мысль! Как их много у тебя, Бруевич. Ты воистину владелец бесчисленных стад...

Б р у е в и ч. Да, Бонч. И это порой приводит меня в уныние. Но следуй мне далее.

Б о н ч. Постой! Кисек слева.

Б р у е в и ч. Я говорю о мысли. Стихотворение в целом относится к орнаментальной лирике начала века, построенной на традиционных принципах ритмико-фонетической симметрии. Такая лирика, как известно, избегает каких бы то ни было деструктивных отклонений /или, в крайнем случае, компенсирует их в произнесении голосом/ и ограничивается констатацией конкретно-жизненного факта /блоковская "пылинка на ноге карманном"/, намеренно изъятого из цепи предваряющих его фактов,

которые могут в какой-то мере истолковать его... Речь, как ты понимаешь, идет о единичном явлении, не имеющем и не способного иметь прецедентов, которые ему надлежало бы связывать, и потому обладающем отнюдь не обобщенной ценностью изолированной миссии.

Б о н ч. Тебя можно понять таким образом: В каждом орнаменте, а творчество Ахматовой, догадываюсь, ты намерен считать орнаментальным во всем биографическом пространстве, невзирая на его неуклонно-нарастающую вульгаризацию...

Б р у е в и ч. По сравнению с тенденциями раннего периода!

Б о н ч. Разумеется!... в каждом орнаменте равнозначность элементов в строго определенной регулярности построения неизбежна.

Б р у е в и ч. Бонч, это лишь условие!

Б о н ч. Один мой знакомый... кстати ты должен его знать: вот такие усы! Замечательный человек...

Б р у е в и ч. Прекрасно знаю, он ходит в полдень по газонам Михайловского сада.

Б о н ч. Да, так вот он...

Б р у е в и ч. Подумай, это же ненормальный человек!

Б о н ч. Да, так вот он, сам бывший военный, склонен считать чрезмерную регулярность в поэзии проявлением нереализовавшегося в свое время "комплекса Сципиона-старшего"...

Б р у е в и ч. То есть?

Б о н ч. ...иначе говоря, неудавшегося офицера.

Б р у е в и ч. Я тебя понимаю: война - крайняя форма отчаяния человечества.

Б о н ч. И человека, Бруевич, и человека!

Б р у е в и ч. Но ты сбиваешь меня... Будем хоть полчаса регулярными...

Б о н ч /останавливается/. Кстати, почему закрыт киоск?

Б р у е в и ч. Возмутительно! И так повсюду, куда ни глянь. Возвращаясь к равнозначности элементов в регулярных конструкциях, хочу отметить, что подобно тому, как

любому образу, прошедшему путь от конкретного явления к знаку, предшествует выбор, членящий единое на частности, точно так же в стихотворном тексте существует строка, ради которой — по свидетельству многих поэтов — написано все стихотворение. Мне представляется необходимым особо остановиться на двух строках заинтересовавшего нас стихотворения, поскольку они могут в некоторой степени прояснить ракурс мировоззрения поэта, так сказать, стратегию его ориентации в системе ценностей, принятой в определенную эпоху...

Б о н ч. ...а также мотивы, которыми он сознательно или бессознательно руководствовался...

Б р у е в и ч. ...что можно с некоторой вольностью назвать комплексом первичных или архетипичных допоэтических /подчеркиваю! / представлений, ибо сочинение стихов следует, среди прочего, понимать и как поиски абсолютно свободных точек, точек бесконечных значений, источников неутохающего резонанса в замкнутой сфере профанического говора...

Б о н ч /мечтательно/. Ах, Бруевич! Как мне нравится вот так беседовать с тобой и не ходить на работу!

Б р у е в и ч. Ошибаешься, работы нам предстоит немало. Поэтическая фраза, которую учебники приводят в качестве важнейшего примера "психологичности", возрастающей в прозаические структуры, привлекает нас в первую очередь как нечаянное признание или оговорка.

Б о н ч. Не какая красивая оговорка! "Я на правую руку надею перчатку с левой руки..."

Б р у е в и ч. Если бы в данном двустрочном тексте не было зафиксировано заведомо ошибочное действие, мы, разумеется, отнесли бы это к разряду пустот, непреходящих блоков пространственно-вербальной архитектуры, однако исходящее от поэта сообщение принуждает к сомнению...

Б о н ч. В самом деле! Так ли изысканно-легка и салонно-

капризна фраза, избранная нами для рассмотрения? Так ли необходима она для стихотворения в качестве полутона, полусюжета, безыскусно оттеняющего...

Б р у е в и ч. ...или, паче того, намекающего на психологическое состояние героини, наподобие кинематографического крупного плана...

Б о и ч. Конечно, конечно! Сuggestивная метонимия! Но только ли это? Умоляю, сделаем еще шаг на пути к пониманию истинного хода вещей.

Б р у е в и ч /врачно/. Какда томит меня.

Б о и ч. Что, как не какда, движет нами?

Б р у е в и ч. Я имел в виду пиво.

Б о и ч. Я тоже.

Б р у е в и ч. Пойдем дальше. "Я на правую руку надела перчатку с левой руки". Это высказывание, как нетрудно видеть, состоит из описания действия, выраженного глаголом прошедшего времени совершенного вида: "надела". Действие подразумевает объект, и мы располагаем сразу тремя объектами: "перчатка", "рука", "рука". /Кажущаяся тождественность двух последних объектов будет исследована и опровергнута позже/. В силу навыка и усвоенного сходства "перчатки" и "руки" действие надевания первой из них на вторую исполняется машинально, безотчетно, ^{несознательно} ~~несознательно~~, вытесняясь на периферию читательского сознания. Однако поскольку первое прилагательное /"правая"/ в рассматриваемой последовательности мертво...

Б о и ч /с энтузиазмом/. Догадывалась, куда ты клонишь! "Я на правую руку надела"...

Б р у е в и ч. ...фактически читается как следующее вполне безболезненное усечение: "Я на руку надела перчатку..."

Б о и ч /задумчиво/. Резенно. Но какую? Я на какую?

Б р у е в и ч. Не терпи события. "Я на руку надела перчатку...", за двойником-подлежащим следует редуцированная цезура...

Б о н ч. Позволь! Какой еще двойник-подлежащее? Это мистика. Бруевич, ты поддался чарам поэзии.

Б р у е в и ч /рассеянно/. Не вижу никаких чар, все крайне просто. Переищи эту фразу в пассивном залоге. /Пауза/. Ну, что скажешь?

Б о н ч. Скажу, что с тобой согласен.

Б р у е в и ч. Но откуда не это суть важно. Гораздо важнее следующая за перчаткой цезура... Внимание! "Я на пра-вуу-в ру-ку на-де-ла... и-раз-два-три...с левой руки, с левой руки!"

Б о н ч /радостно/. Дело в шляпе!

Б р у е в и ч /учительски/. То-то и оно. Заметил?

Б о н ч. Еще бы не заметить! Не цезура, а пропасть. Не заштонать вглой сладкоголового пения.

Б р у е в и ч. Вот-вот... Милый Бонч, эта редуцированная цезура, или так называемая фоническая ретардация, способствует возникновению мнимого смыслового равновесия, гармонии, но ложной, так как она немедленно приносится в жертву и безошибочно разрушается прилегающим уточнением /"левой"/, которое отбрасывает нас в начало, заставляя проиграть фразу заново...

Б о н ч. Не понял.

Б р у е в и ч. О боги! Повторяю: проиграть фразу заново, в результате чего вскрывается полное несоответствие второго чтения наметившемуся при первом чтении порядку.

Б о н ч /сенно/. Само собой.

Б р у е в и ч. Но! Мы остаемся...

Б о н ч. ...у разбитого корыта!

Б р у е в и ч. Никак нет. Перед лицом свершившегося действия, смысл которого для нас непроницаемо темен.

Б о н ч. Ха-ха! Бруевич, ты упускаешь из виду, что нам, равно как и поэтам, с недавних пор многое стало известно.

Б р у е в и ч. Например?

- В о и ч.** Например то, что поэту небезразлична правая и левая сторона. Говоря проще, он ^{или она} акцентирует оппозицию и привносит в нее свою личную мифологию.
- Б р у е в и ч** /хватаясь за голову/. Нет-нет! Обещай мне, что никогда больше не произнесешь этого слова!
- В о и ч.** Прости, и тем не менее мы имеем улыбку.
- Б р у е в и ч.** Ради Бога! Только позволь, в свою очередь, спросить, зачем Ахматовой понадобилось /забудем про эту нелепую "личную мифологию"/ акцентировать указанную оппозицию? Зачем, я тебя спрашиваю?
- В о и ч** /надолго задумывается/. Поэтическая уловка, не более того.
- Б р у е в и ч** /яростно/. Не узнаю тебя! Что значит, поэтическая уловка? Или ты забыл, кто мы такие? И где живем? Это тебе не Тарту, голубчик.
- В о и ч** /не расслышав/. При чем здесь Тартар?
- Б р у е в и ч** /отчетливо/. Довольно разночтений! Я задаю вопрос, и я на него отвечаю. Для чего поэт прибегает к перчатке? Для чего он заставляет ее играть дополнительную роль медиатора, причем играть крайне двусмысленно, поскольку противоречие разрешается как бы на формальном уровне...
- В о и ч.** Какое противоречие?
- Б р у е в и ч** /застыв на секунду от неожиданности/. Левое-правое! Левый-правый! Чет-нечет! Верх-низ! *Ать-два!*
- В о и ч** /понимающе/. Свет-тьма! Добро-зло!
- Б р у е в и ч.** Бог-Дьявол, черт бы тебя побрал! Ян-Инь! Черное-белое!
- В о и ч** /скандирует/. Мужское-женское! Небо-земля! Космос-хаос!
- Б р у е в и ч** /тоскливо/. Рай-ад! Рождение-смерть! /Закашливается/. Мало тебе?
- В о и ч** /неуверенно/. Москва-Пекин?
- Б р у е в и ч** /не расслышав/. Маска! Именно маска! Умница! Маска, то есть личина, она же перчатка, и лицо, оно же рука. /Довольный/. Вот видишь, ты все знаешь.

А притворялся. Кажется, пришли...

Б о н ч. Не ты же хотел пива!

Б р у е в и ч. Нет пива, вкусим меда поэзии. Свернем сюда и пойдем вдоль очереди.

Б о н ч. Я вслед за тобой.

Б р у е в и ч /обращаясь к посторонним лицам/. Пиво есть, люди русские? /никто не отвечает/.

Б о н ч. Ну что же, отсутствие ответа ничего не меняет.

Б р у е в и ч. Молчание - знак безмолвия. Кто последний?

Старик из очереди. Мы.

Б о н ч. Теперь мы.

Б р у е в и ч /ирочно/. Так вот... Мужское-женское, сено-солома, вперед, Вруевич! Помимо оппозиций в нашем активе имеется маска.

Б о н ч /забывшись/. Какие оппозиции?

Б р у е в и ч. Те-с-с... Мы не одни. /Шепотом/. Понимаешь, претворение разрешается как бы на формальном уровне... /Бонч мечтательно закрывает глаза/. ...но противоречие, как известно, определяется противостоящими парами...

Б о н ч. Парами-бинарами...

Б р у е в и ч. Зная это, Ахматова умело и по-своему изящно переносит на правую руку признаки левой. Не забывай, что правая рука - мужская.

Б о н ч. Что?

Б р у е в и ч. Брось валять дурака. Она переносит на правую руку признаки левой, запутывает следы.

Б о н ч. Понял, понял. Скрытое обратное перенесение.

Б р у е в и ч. Наконец-то!

Старик из очереди. Может быть, она-левша?

Б р у е в и ч /строго/. Не в этом дело, гражданин хороший!

Б о н ч /примирительно/. Он, по-своему, прав.

Б р у е в и ч. Сохраняя пресловутую вечную женственность, которую, как икону, купленную за бесценок, жалко дарить даже любимой подруге, и паче того выменивать на заржавленный офицерский клинок - она не в силах пре-

простить мужчине его строительно-демуургических способностей...

Бонч. Хо-хо! Еще бы! Подбирать колески или пахать поле?

Вя не терпится пахать поле.

Бруевич /поправляет/. Копать яму.

Бонч. Для чего?

Бруевич. Чтобы хоронить зерно.

Старик из очереди. А вот у нас в деревне...

Бонч. Бр-р-р!

Бруевич. Почему бр-р-р? /Успокаивает/. Вечный круговорот природы. Озирис, Персефона, кто там еще?

Бонч. Дионис, Вячеслав. Но нет, нет. Никаких круговоротов! Попробуй сосредоточиться. Мерцающий мотив...

Старик из очереди. Граждане, я извиняюсь, но если вы про кулаков, то это- дело прошлое...

Бонч. Мы - про перчатки!

Бруевич. ...мерцающий мотив гомосексуализма как реализация зависти к мужчине и осознание себя его полноценным заместителем, этот мотив...

Бонч. Телеграфируем доктору Фрейдю.

Бруевич. Мы и сами с усами. И потому усмотрим в поверхностной путанице с перчатками не гомосексуальный намек, а страстный порыв к развоплощению. Подобно козуре, перчатка снимается вместе с рукой, обнажая целую, а если угодие бесполою, кость и тут же скрываая ее перчаткой, снятой с другой, уже несуществующей, бесплотной руки...

Бонч. Симметрия игры! Веронимус Эшер! Завораживающий, непреодолимый, хотя и порожденный самим поэтом, сад без наслаждений.

Бруевич. И, увы, без маркиза.

Бруевич. Ида... маркизов, равно как и офицеров, предостаточно, да все не те, друг мой. Они помогают копать яму для руки и для ее тени- перчатки. Не хочу пугать тебя, Бонч, но это смерть. Смерть с большой

буквы... Ты вон, в драной чернобурке, гоните прочь!
Этак век престоишь!

Д а м а в ч е р н о б у р к е /вяло/. "Мне больше ног
моих не надо, пусть превратятся в рыбий хвост..."

Б р у е в и ч /кричит/. Боги, я на ней жемчужина! Вонч, ты по-
нял? Немедленно дайте чернобурке пива! Ты понял, ми-
лый, что значит культура? В ее контексте...

В о н ч /с горечью/. Мечтатель. Ты склонен преувеличивать.
Филологический факультет — неистинный предел твоих меч-
таний. Главное для нас — не выпасть из очереди. Дер-
жись за гитаркету и вернись ко времени написания сти-
хотворения. Тезаурус поэзии, невзирая на интенсивное
умножение материала, изменяется крайне медленно. По-
эты, как известно, не прочь поманипулировать апроби-
рованной символикой, доводя ее комплексы до заурядной
немоты и пренебрегая не только самостоятельному разрас-
танию слова, но и его осмыслению читателем. В эпоху
неосторожного обращения со словами как нельзя более
кстати фраза одного тонкого писателя...

Б р у е в и ч /кричит/. Знаю, знаю! "Боги семантики не за-
медлят с мезью"!

В о н ч. Именно это произошло с невзрачным словом "пер-
чатка", некогда простой деталью туалета, а в интересую-
щую нас серебряную эпоху — узлом невероятного множес-
тва оттенков, значений и мифологем. Не надо, впрочем,
забывать, что перчатка — такая же деталь туалета, как,
скажем, плащ или маска...

Б р у е в и ч. Маска! Так и скажем: маска! Но при чем
здесь деталь туалета? Ведь это совсем другое.

В о н ч /не слушая/. ...и потому перчатке должно хранить
тайну, скрытого ею, а если никакой тайны нет, тогда
рука, или, что то же, лицо само превращается в тайну.
Кстати, не кажется ли тебе, Бруевич, что "Мир искус-
ства" с его ретро-куртуазностью задавал тон не толь-
ко творчеству, но и салонно-богемной жизни? Не он ли
пытался воспроизвести — в новой фабрично-купецкой

пессимизма

обстановке в атмосфере книжного ~~пессимизма~~ — те давно утраченные и невозполнимые...

Б р у е в и ч. Назад, назад, ты стал поэтом! Ход твоей мысли вполне понятен. Если присовокупить к куртуазности непременно для нее эротичность, этого достаточно вполне, чтобы рассматриваемые нами строки... Ну-ка, повтори их...

Б о и ч. Пожалуй, лучше спой. /Обращается к старику на очереди/. Позвольте гитару? /Грохко поет/. Я на пра-а-а-авую ру-у-у-у-уку наде-е-е-е-ела-а-а-а-а-а...

Б р у е в и ч /механично подхватывает, но тут же осекается/. Довольно, довольно!

С т а р и к и з о ч е р е д и. Да вы, ребята, артисты!

Б о и ч /тянет/. ...перча-а-а-а-атку...

Б р у е в и ч /хлопает его по спине/. Хватит! Мы, в конце концов, не гистрионы и не жонглеры. Прибегнем к прозе.

С т а р и к и з о ч е р е д и. Так и думал, из цирка.

Б о и ч. ...с ле-е-е-е-вой...

Б р у е в и ч /сердито/. Левой, левой! Атмосфера века не-удержимо вторгается в нашу беседу.

Б о и ч /меланхолично/. Ах, прошлое, прошлое...

Б р у е в и ч. Не будем, Бонч. Ты совсем расклеился. У нас много работы впереди, да вот и очередь подходит.

Б о и ч /зевает/. А я, признаться, несколько устал.

Б р у е в и ч /изящно сдувая пену/. Любезный моему сердцу Бонч, усталость — мать мышления, пестующая своих чад без великого пафоса. К тому же тебе известно, что энтузиазм...

Б о и ч. Да, не пристало нам из шкуры левая ради пары перчаток...

Б р у е в и ч /прямая руку с кружкой к сердцу/. ...скрывающих — вот она фундаментальность, которую мы ждали! — дктилоскопический рисунок, то бишь пресловутые линии судьбы.

Б о и ч /разглядывая отпечатки пальцев на кружке/. И поро-

едвадцятих ситуацію анонімності...

Б р у е в и ч. ...подобие той "анонимной маске", о которой мы говорили в прошлый раз. Она скрывает, якобы скрывает — будь внимателен! — и вместе с тем неотвратно раскрывает облик своего носителя, предавая, таким образом, его — как бы вопреки его чаяниям, но фактически реализуя их. /Принимается чертить спичкой некую схему/.

Б о н ч /склоняясь/. Так... А это что? Ясно... ясно... А где же амбивалентность?

Б р у е в и ч /указывает/. Здесь, здесь, все на месте. /Подрисовывает что-то/. Таким образом, карнавальные перчатки, скрывая самое сокровенное, выявляет его помимо желаний автора.

Б о н ч /мечтательно/. Эх, сюда бы Горчакова-Горбунова... Он, понимаешь ли... У него, поговаривают, целый архив...

Б р у е в и ч. Как у Мунка?

Б о н ч. Архив, а не гардероб. Он собирает литературу, где упоминается волнующая нас тема. И не только это.

Б р у е в и ч. Ах, Бонч! На что нам, живым филологам, архивы! Вот тебе мой архив! /Выворачивает карман/.

Б о н ч /горько/. Все мое мекум порто.

Б р у е в и ч /отчужденно/. Мы приближаемся к важнейшей проблеме — проблеме сращения личности и лица. Указанное сращение вполне объясняет магическое перенесение свойства лица на перчатку в плане печально известного уничтожения или заклания восковой фигурки. Восковая фигурка Ахматовой, окруженная равнодушно-желтым огнем свечей, приносится жрицей Ахматовой в жертву Христу-Танатосу в альковех ее богемного монастыря. Напомню: "Мне больше ног моих не надо, пусть превратятся в рыбий хвост".

Б о н ч. Тебе не кажется, что сегодня мы где-то это слышали?

Б р у е в и ч /уверенно/. Не может быть! Кто это помнит?

/Пауза/. Не правда ли, строки звучат почти в унисон с "закрытым полом Эвридики" у Рильке, когда бы не настораживающий образ рыбы...

Б о н ч. Известная анаграмма... контур рыбы и Вожественное имя в нем.

Б р у е в и ч. /значительно/. Знамя Камы несло на себе изображение рыбы.

Б о н ч /вздыхает/. Вот чего нам не хватает.

Б р у е в и ч. Рыба похожа на знамя.

Б о н ч /достает воблу/. А ее мумия, друг, нестрашный панда к иву.

Б р у е в и ч /хуя/. Не-важнецки, но приятно ощутить на вкус аргументацию наших высших предположений.

Б о н ч. Этакое... причастие.

Б р у е в и ч. Рыба... мумия... русалка... рыба... Кама... серафическая поэзия... храмовая... храмовая... рыба...

Б о н ч /вскрикивает/. О! О! Да ведь сегодня у Осмеркина день ангела!

Б р у е в и ч /дожевывая/. Серафическая русалка. Признаться, мерзость- дальше некуда. Докетились... А что Осмеркин?

Б о н ч. Как что? У него семинар, приуроченный ко дню ангела!

Б р у е в и ч /сухо/. Тема?

Б о н ч. "Корреляция между повествовательными структурами современной городской прозы и идентификацией автора с ее героями".

Б р у е в и ч /прищуриваясь/. Закат... Зябко. /Выплескивает остатки пива/. Ну что ж, не все ли равно, где и как жить! Черт с ним, пошли к Осмеркину.

Б о н ч /протирая очки/. А перчатку, которую мы роняем, пусть поднимут те, кто еще способен нагибаться.

/Удаляются. Издали доносится голоса/.

Н е с л у х о в. Илья? Бруевич и ты, Бенч, откуда вы идете?

Б р у е в и ч. Какое это имеет значение? Важно другое: куда идут наши мысли?.

Н е с л у х о в. И куда же, ^{Хочу знать?} ~~если не секрет?~~

Б о и ч. В наших размышлениях мы движемся по направлению
к прозе. Более того... к высокой прозе!

Б р у е в и ч. Скажи, Неслухов, если бы тебе предложили
золото и серебро... /Голоса затихают/.